

По следу исчезнувшей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тяя Сомелин

18+

Тея Сомелин

По следу исчезнувшей

«Автор»

2026

Сомелин Т.

По следу исчезнувшей / Т. Сомелин — «Автор», 2026

Три года Лира пыталась жить дальше после загадочного исчезновения матери. Но возвращение в родной город заставляет её снова задать вопросы, на которые никто не хочет отвечать. Как мать исчезла из закрытой лечебницы? Почему детские страшилки вдруг перестают казаться выдумкой? Чтобы найти правду, Лире придётся разобраться не только в прошлом семьи, но и в себе.

© Сомелин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тея Сомелин

По следу исчезнувшей

Вступление

— Выбор есть всегда, — сказала я.

Получилось спокойнее, чем я ожидала. Почти уверенно. Тело, правда, этой уверенности не разделяло: пальцы похолодели, сердце колотилось у самого горла, а ноги словно решили именно сейчас перестать мне подчиняться.

Несколько секунд он молчал.

— Выбор есть всегда? — переспросил он.

Вот его голос действительно звучал спокойно. Издевательски. Слишком спокойно для человека, который загнал меня в темноту и теперь просто ожидал, моих дальнейших действий.

Его голос.

Мне не требовалось видеть лицо, чтобы понимать, кто стоит напротив.

Наверное, от этого было только хуже.

— Всегда.

Последнее слово звучало тише, чем хотелось.

Я почти ничего не видела. Темнота съела всё вокруг, оставив только очертания фигуры в нескольких шагах от меня. Ни лица, ни глаз — даже земля под ногами казался чем-то условным.

Но его взгляд я чувствовала прекрасно.

— Лира?

Он произнёс моё имя мягко. Почти ласково.

Беги.

Мысль возникла сама, без всяких рассуждений.

В темноте блеснули зубы.

Он улыбался. От мороза по коже, тело стало покрываться мурашками.

— Ты ведь понимаешь, что далеко не убежишь?

Беги.

На этот раз тело послушалось.

Я развернулась так резко, что чуть не потеряла равновесие, и рванула вперёд. Куда — понятия не имела. Перед глазами была одна чернота, под подошвами что-то твёрдое, воздуха почти сразу стало не хватать. Я зацепилась обо что-то ногой, едва не рухнула, но даже не замедлилась.

Дальше.

Быстрее.

И, ради всего святого, не оборачиваться.

Позади послышался смех. Негромкий, до боли знакомый — и от этого ещё более неприятный.

— Ну что ж, — донеслось из темноты. — Попробуй.

Меня зовут Лира.

Если верить книгам, фильмам и чужим рассказам, детство обычно вспоминается набором довольно безобидных вещей: разбитые коленки, поездки к родственникам, ненавистная молочная каша, первые друзья, нелепые семейные фотографии.

У меня всё это тоже было. Просто вместе с разбитыми коленками шли обереги над дверями, а вместе со сказками на ночь — подробные инструкции о том, почему нельзя отвечать незнакомцу, если после полуночи он стоит за калиткой и зовёт тебя по имени.

Впервые я заподозрила, что в нашей семье что-то устроено немного иначе, лет в пять.

Я проснулась посреди ночи от голосов родителей. Они ругались на кухне и старались говорить тихо, но наш старый дом вообще не уважал чужие секреты: половицы скрипели, трубы вздыхали за стенами, а разговоры прекрасно проходили через тонкие перегородки.

— Ты её пугаешь, — сказал отец.

— Я пытаюсь её защитить.

— От чего?

Мама ответила тише, и я разобрала только несколько слов. Что-то про дверь. Кажется, ещё про ночь.

Потом отец произнес:

— Ты сходишь с ума.

Я лежала под одеялом и очень хотела встать, прийти на кухню и объяснить ему, что он неправ.

Моя мама не могла быть сумасшедшей.

Она казалась мне самым добрым человеком на свете. У неё были мягкие рыжевато-каштановые волосы, которые вечно пахли чем-то сладким — то ли ванилью, то ли абрикосовым шампунем. Она смеялась громко, пекла тыквенное печенье и позволяла мне таскать крем пальцем прямо из миски, хотя потом обязательно делала вид, что сердится.

И рассказывала сказки.

Правда, со сказками была одна небольшая проблема: они не очень походили на те, что рассказывали другим детям.

В маминых историях люди иногда уходили из дома одними, а возвращались уже не совсем собой. Духи могли запомнить человеческое имя. Некоторые гости не нуждались в приглашении. А к зеркалам после определённого часа вообще стоило относиться осторожнее.

Особенно к старому зеркалу в нашем коридоре — овальному, в тяжёлой тёмной раме. После трёх ночи мама всегда накрывала его плотной тканью.

Однажды я спросила зачем. Мне тогда было семь.

Мама присела передо мной на корточки, поправила мои волосы и посмотрела так серьёзно, что я сразу перестала улыбаться.

— Потому что иногда лучше не видеть того, что уже увидело тебя.

Конечно, я решила, что это очередная страшилка.

Детям вообще удивительно легко принять домашние странности за норму. Ну висит над дверью мешочек с травами — значит, у всех висит. Мама вышивает какие-то знаки на внутренней стороне моей одежды? Наверняка и другим вышивают.

И всем ведь запрещают открывать калитку человеку, который глубокой ночью почему-то знает твоё полное имя.

Разве нет?

То, что нет, выяснилось позже.

Сначала я начала замечать взгляды соседей, потом — родителей одноклассников. Кто-то разговаривал с мамой подчеркнуто мягко, тщательно подбирая слова, будто боялся случайно нажать не на ту кнопку. Кто-то посмеивался. Другие просто старались не задерживаться рядом.

Даже родственники порой смотрели на неё так, что объяснений не требовалось.

С возрастом маминых правил становилось только больше. После десяти — домой. Никаких случайных ночных знакомств. Не приглашать человека внутрь, если он без причины назвал твоё полное имя. После трёх часов не смотреться в зеркало.

И главное — Хэллоуин.

В эту ночь после заката я не должна была выходить из дома вообще.

К этому правилу мама относилась особенно серьёзно. До наступления темноты она обходила комнаты, проверяла окна и замки, раскладывала сушеные травы по подоконникам. Иногда по дому появлялись маленькие фигурки из ниток — довольно жуткие, если честно.

— Сегодня граница тоньше, — говорила она.

Какая именно граница, я понятия не имела. Да и со временем перестала спрашивать.

К тринадцати годам всё это начало ужасно раздражать. Мне хотелось жить как остальные: оставаться у подруги с ночевкой, не придумывая объяснений; покупать новую куртку и не находить через пару дней вышитый знак на подкладке; проходить по улице, не слыша за спиной: «Это дочка той странной женщины».

Или того хуже:

«Ну, той сумасшедшей».

Я стала стесняться мамы.

До сих пор мерзко это признавать.

Наверное, некоторые вещи в четырнадцать кажутся мелочью, а потом проходят годы — и ты вдруг понимаешь, что прекрасно помнишь каждую.

Когда мне исполнилось четырнадцать, отец решил, что дальше так продолжаться не может. Я должна была пожить у его матери, моей бабушки, которая находилась в нескольких сотнях километров от нас.

Тогда расстояние казалось мне чем-то вроде лекарства.

У бабушки никто не завешивал зеркала, над дверями ничего не висело, а после трёх ночи зеркало оставалось просто зеркалом. На Хэллоуин можно было выйти на улицу. Никто не интересовался, каким именем представился новый знакомый и в какое время суток это произошло.

Первые недели я наслаждалась свободой.

Мама звонила постоянно. Телефон вибрировал на столе, на подоконнике, в кармане школьной формы. Иногда я отвечала, но гораздо чаще смотрела на экран и ждала, пока он погаснет.

Бабушка говорила, что мне нужно время. Отец приезжал раз в несколько недель и почти ничего не рассказывал о маме, а я почти ничего не спрашивала. Нас обоих это, кажется, устраивало.

Иногда отец привозил с собой коробку с моим любимым тыквенным печеньем. Я съедала всё до последней крошки.

И всё равно не звонила.

В четырнадцать лет довольно легко убедить себя, что молчание — это не жестокость. Особенно когда где-то глубоко внутри ты ужасно боишься однажды стать похожей на человека, которого любишь.

Потом мама перестала звонить.

Я заметила не сразу. Прошла неделя, потом вторая. Потом почти месяц.

Однажды вечером я сидела над домашним заданием и вдруг попыталась вспомнить её голос.

Не получилось.

Не совсем.

Я помнила отдельные слова, интонации, её смех — а сам голос уже начинал расплываться.

В тот год мне начали сниться кошмары.

И в тот же год маму поместили в лечебницу Отца Габриэля.

Отец сказал, что ненадолго. Там хорошие специалисты, ей помогут, сейчас так будет лучше — ей, мне, всем.

Взрослые любят это выражение.

«Так будет лучше».

Я поверила. Наверное, потому что очень хотела.

После этого маму я больше не видела.

Через несколько недель она исчезла.

Не выписалась. Не сбежала из дома. Исчезла из закрытого стационара, где находилась под наблюдением врачей.

По официальной версии никто не видел, как она покинула здание. Никто не знал, куда она могла пойти. Камеры ничего полезного не показали, охрана ничего не заметила, медсестры ничего не слышали.

Слишком много «ничего» для места, из которого вроде бы нельзя просто взять и выйти.

Её искали.

По крайней мере, мне так говорили.

Прошло три года. От мамы остались фотографии, несколько вещей в коробках и воспоминания, которые стирались быстрее, чем мне хотелось.

Иногда я скучала по её волосам. Иногда — по тому, как она обнимала меня обеими руками и слегка покачивалась, словно я всё ещё маленькая.

Но чаще вспоминала телефон.

Как он вибрировал рядом. Как на экране появлялось слово «Мама», а я смотрела и ждала, пока звонок прекратится.

Вот с этим оказалось сложнее всего.

Потому что теперь я бы ответила.

Сразу.

Только звонить больше некому.

Глава 1

Воздух тяжёлый, влажный. Я пытаюсь вдохнуть глубже, но одежда липнет к коже, а каждый вдох дается с усилием.

Кап.

Где-то совсем рядом капает вода.

Кап.

И ещё одна.

Кап.

Я открываю глаза и несколько секунд не понимаю, на что смотрю.

Подо мной вода — черная, неподвижная. Ни пола, ни матраца, ни земли. Я лежу прямо на поверхности и почему-то не тону.

Переворачиваюсь на живот.

Вокруг ничего.

Темнота тянется во все стороны, и невозможно понять, где заканчивается вода и начинается небо.

— Где я?..

Голос уходит вдаль и возвращается эхом.

— Почему я...

— Он рядом.

Я замолкаю.

— Нам не спастись.

Шёпот доносится будто сразу отовсюду: издалека и одновременно прямо из-за плеча.

— Кто здесь?

Ответа нет. Вода едва заметно колыхнется вокруг рук.

Я медленно поворачиваюсь.

— Эй? Кто здесь?

— Ты не спасёшь её.

По спине пробегает холод.

— Кого?

Снова ничего.

Я жду. Секунду, вторую, еще несколько.

А потом совсем близко слышу:

— Он уже тебя услышал.

Я резко оборачиваюсь, вода расходится вокруг меня кругами.

Никого.

— Что за...

Сердце колотится всё быстрее.

Остаться на месте страшнее, чем плыть неизвестно куда, поэтому я начинаю грести вперед. Холод быстро пробирается под одежду.

И тут вдали появляется свет.

Я останавливаюсь.

Шёпот исчез.

Моргаю несколько раз, но свет остается. Посреди чёрной воды действительно виден крошечный островок суши, а на нём — старый фонарь. Его жёлтого света хватает лишь на небольшой круг земли вокруг.

— Эй! — кричу я. — Здесь кто-нибудь есть?

На границе света появляется фигура.

Женщина.

Лица я не различаю, только силуэт.

— Я здесь, Лира.

Всё внутри будто отключается на секунду.

Три года.

Я не слышала этот голос три года.

Но узнаю сразу.

— Мам?

Фигура не двигается.

— Мама!

Я бросаюсь к ней и гребу изо всех сил. До берега кажется совсем недалеко — несколько десятков метров, не больше.

Только он не приближается.

Я плыву, вода бьет в лицо, руки уже начинают болеть, а расстояние остаётся прежним.

— Лира! — зовёт мама.

Теперь в её голосе слышен страх.

— Я тут! Подожди!

Что-то касается ноги.

Я замираю.

Нет.

Не касается.

Хватает.

Пальцы — или что-то очень похожее на пальцы — сжимают щиколотку под водой.

Я дергаю ногой. Бесполезно.

Потом тяжелеет и вторая.

— Мама!

Фонарь становится меньше.

— Нет... нет, стой!

Я гребу сильнее, но остров уже отдаляется.

Так не бывает.

— Лира!

— Мама!

Справа раздаётся низкий гул.

Я поворачиваю голову.

Вода поднимается передо мной стеной.

Нет.

Волной.

Огромной.

— Открой глаза.

Голос уже не мамин.

Волна обрушивается сверху.

Всё исчезает.

Ледяная вода забивает рот и нос. Я пытаюсь вынырнуть, но не понимаю, где поверхность.

— Открой глаза.

Руки цепляют пустоту.

Лёгкие горят.

— Открой глаза!

Я вскакиваю на кровати и судорожно втягиваю воздух.

Комната.

Моя комната у бабушки. Кровать, шкаф, книги на подоконнике, серое утро за окном.
Я хватаю одеяло.

Сухое.

Простыня тоже. И волосы.

— Лира! Господи, ну нельзя же так пугать!

Я вздрагиваю.

В дверях стоит бабушка — в домашнем халате, с собранными на затылке волосами. Она явно сердится, но недостаточно хорошо, чтобы скрыть испуг.

— Я тебя минут пять бужу. Опять читала полночи? Ты хоть на часы смотрела? Отец через полчаса будет.

Я смотрю на неё, а слышу всё ещё другое:

«Лира».

— Лира?

— Да.

Голос хрипит. Я сглатываю.

— Всё нормально.

Бабушка прищуривается. Ей можно соврать о многом, но эта фраза на неё никогда не действует.

— Опять кошмар?

Я киваю, и выражение ее лица немного меняется.

— Внизу завтрак. И, пожалуйста, не заставляй отца ждать. Хотя сегодня.

Она закрывает дверь.

Я остаюсь одна и рассматриваю ладони.

Сухие.

Ну конечно.

А что я ожидала увидеть? Воду? Водоросли? Синяки от пальцев на щиколотке?

— Сон, — говорю я вслух. — Просто сон.

Звучит не очень убедительно.

Я обхватываю себя руками. Перед глазами всё ещё стоит фонарь и женская фигура в желтом свете.

— Мам...

Сегодня мое последнее утро в бабушкином доме в качестве постоянного жильца.

Звучит немного драматично, но факт есть факт: мне семнадцать, и после нескольких месяцев разговоров отец наконец решил, что я могу вернуться в родной город, закончить там школу, а потом уже поступать в колледж.

Мне назвали множество причин. Так логичнее. Мне пора возвращаться. Я уже взрослая.

Лично я подозревала, что главная причина проще: отцу надоело жить одному в слишком большом доме.

После завтрака я тащу чемоданы в прихожую. Бабушка раз за разом проверяет, всё ли я взяла: зарядку, документы, свитер, лекарства, зубную щетку. На шестой проверке выясняется, что щётка по-прежнему лежит там же, где лежала во время первой.

На седьмой она сдаётся и разрешает отцу загрузить вещи в машину.

Я ожидаю долгого прощания, но ничего такого не происходит. Бабушка просто подходит и обнимает меня чуть крепче обычного.

— Позвони, когда доедете.

— Позвоню.

— И нормально ешь.

— Ба.

— Что «ба»? Я тебя знаю.

— Буду нормально есть.

— И не сиди ночами.

— Постараюсь.

— И...

— Ба.

Она вздыхает.

— Ладно. Езжай уже, пока я ещё что-нибудь не вспомнила.

Я улыбаюсь.

Через несколько минут её дом исчезает за поворотом.

Большую часть дороги мы с отцом молчим. Он смотрит вперёд, я — в окно. Поля сменяются заправками, деревнями и маленькими городами, потом снова начинаются поля.

Чем ближе мы к дому, тем чаще пейзаж подкидывает что-нибудь знакомое.

На одном из поворотов мама когда-то заставила отца остановиться из-за раненой сороки. Он ворчал, пока она заворачивала птицу в свой шарф, а домой мы в итоге приехали с коробкой, из которой всю дорогу доносилось возмущенное шуршание.

Потом появляется старая водонапорная башня. Мост. Поворот к торговому центру.

Наконец — табличка с названием города.

Тоска приходит без всякого предупреждения. Не такая, как в кино, где для нее обязательно нужны дождь, музыка и красивое выражение лица. Просто в какой-то момент становится неприятно смотреть по сторонам.

Я отворачиваюсь к окну.

— Первое время, скорее всего, будет непривычно, — говорит отец.

Я не сразу понимаю, что он обращается ко мне.

— Что?

Он на секунду переводит взгляд с дороги.

— Говорю, тебе может быть сложно. Три года всё-таки. Ты давно здесь не жила.

— Угу.

— Люди изменились. Город тоже.

— Угу.

— Но освоишься.

Я киваю.

Некоторое время слышен только шум шин.

— И если что-нибудь случится... — начинает отец и ненадолго замолкает. — Ты можешь со мной поговорить.

Фраза звучит так официально, что хочется спросить, нужно ли предварительно записываться на приём.

Впрочем, отец адвокат. Видимо, работа всё-таки портит людей по-своему.

Близкими мы никогда особенно не были. В детстве большую часть времени я проводила с мамой, а отец работал — много, допоздна, часто возвращаясь уже раздраженным. Когда с мамой стало сложнее, мой распорядок вдруг заполнили музыка, английский, танцы, дополнительные занятия и репетиторы.

Тогда мне казалось, что отец просто заботится о моём будущем.

Теперь я не так уверена.

Из-за деревьев появляется краснокаменное здание.

Я узнаю его раньше, чем успеваю прочитать табличку.

Лечебница Отца Габриэля.

Если не знать, что внутри палаты и кабинеты врачей, ее легко принять за старую церковь: красный камень, узкие высокие окна, витражи, темная крыша и центральный корпус, который возвышается над остальными.

Я поворачиваю голову и смотрю на здание, пока оно медленно уходит назад.

Там мама провела последние недели перед исчезновением.

И там её потеряли.

— Лира.

Я продолжаю смотреть назад.

— Лира?

— Что?

— Может, остановимся пообедать?

Я наконец перевожу взгляд на отца. Он улыбается осторожно, словно заранее не уверен, какой получит ответ.

— Можно.

Минут через десять мы сворачиваем на знакомую улицу, и я замечаю огромную вывеску:

«Вафли тетюшки Петти».

Неожиданно для самой себя улыбаюсь.

Кафе почти не изменилось. Те же большие окна, те же клетчатые занавески, даже рисованная вафля на вывеске осталась прежней — с глазами, руками и настолько широкой улыбкой, что теперь она кажется мне слегка пугающей.

В детстве мы часто приходили сюда по выходным втроем. Мама неизменно заказывала шоколадные венские вафли с вишневым вареньем и ванильным мороженым.

Я думаю об этом, пока у столика не появляется официантка.

— Определились?

Отец закрывает меню.

— Кофе и вафли с беконом.

Девушка смотрит на меня.

Меню я даже не открывала.

— Шоколадные вафли с вишневым вареньем и ванильным мороженым.

Она записывает заказ.

На секунду мне кажется, что её ручка остановилась.

Нет.

Дело не в ней.

Отец смотрит на меня чуть дольше обычного.

— Напиток? — спрашивает официантка.

— Нет, спасибо.

Когда она уходит, отец проводит пальцем по краю чашки.

— Мама такие любила.

Вот так.

Не по имени. Просто «мама».

— Помню.

Он едва заметно улыбается, и именно в этот момент я понимаю, что больше не хочу делать вид, будто существует список тем, которых мы оба обязаны избегать.

— Ты её искал?

Улыбка исчезает.

— Лира...

— Я просто спросила.

Он выдерживает паузу.

— Да.

— Как?

— Что значит «как»?

— Именно это и значит. Ты нанимал кого-нибудь? Обращался в другие города? Проверял камеры, искал свидетелей? Что вообще делали после её исчезновения?

Отец заметно напрягается.

— Этим занималась полиция.

— Три года назад.

— И?

— И её нет до сих пор.

Он выдыхает и откидывается на спинку стула.

— Ты только сегодня вернулась.

— При чём здесь это?

— Я не хочу, чтобы в первый же день ты опять погружалась в прошлое.

— Оно никуда не исчезало.

— Иногда лучше всё-таки двигаться дальше.

Я несколько секунд смотрю на него.

— Двигаться дальше?

— Лира...

— Моя мать пропала из закрытой лечебницы. Там были врачи, охрана, камеры. Никто не видел, как она вышла. Никто не знает, куда она делась. И каждый раз, когда я пытаюсь узнать хоть что-нибудь, мне говорят: «не сейчас», «не начинай», «живи дальше».

Отец качает головой.

— Потому что ты не знаешь всех обстоятельств.

Я замолкаю.

Вот это уже новое.

— Каких обстоятельств?

По его лицу видно: говорить этого он не собирался.

— Пап.

Он молчит.

— Каких?

— Не здесь.

— А где?

— Лира.

— Ты только что сказал, что я чего-то не знаю. Так расскажи.

Он кладет ладонь на стол.

— Тебе не нужно в это лезть.

— Почему?

— Потому что такими вещами должны заниматься специалисты.

— Мне семнадцать.

— И что?

— И это моя мать.

— Это ничего не меняет.

— Для меня меняет.

— Ты не понимаешь...

— Так объясни.

Он опять замолкает, и раздражение, которое ещё минуту назад хотелось выплеснуть на него целиком, вдруг становится гораздо холоднее.

— Те самые специалисты? — спрашиваю я. — Которые за три года ничего не нашли?

— Лира.

— Я серьёзно. Как человек вообще может исчезнуть из такого места? Она что, сквозь стену прошла?

— Прекрати.

— Почему камеры ничего не показали? Почему никто...

Отец ударяет ладонью по столу.

Не сильно, но достаточно громко, чтобы за соседним столиком обернулись.

— Хватит.

Я смотрю на него пару секунд, потом отодвигаю стул.

— Я больше не хочу есть.

— Сядь.

— Не хочу.

— Лира.

Я встаю.

— Увидимся дома.

— Даже не думай сейчас уходить.

Но я уже иду к выходу.

— Лира!

Дверь кафе захлопывается за моей спиной, звякнув колокольчиком.

Я не собиралась идти к лечебнице.

Вообще.

Примерно через час, стоя перед ее воротами, я все еще придерживаюсь этой версии событий.

Просто шла. Потом свернула на одну улицу, на другую, увидела знакомую башню — и как-то так получилось, что пришла сюда.

Без плана. Очень удобно.

За время прогулки успело стемнеть. Днём город казался шумным и вполне обычным, а вечером будто разошелся по домам раньше меня. По тротуару катятся сухие листья, редкие прохожие спешат по своим делам, и на каждом выдохе перед лицом появляется облачко пара.

Я поднимаю голову.

Над входом висит табличка:

ЛЕЧЕБНИЦА ОТЦА ГАБРИЭЛЯ

Чуть ниже, мелкими буквами:

Основана в 1918 году. Работаем круглосуточно.

— Прекрасно, — бормочу я. — Интересно, охрана тоже круглосуточная?

Шутка получается так себе, но других сейчас нет.

Передо мной массивная входная дверь. Не дверь даже — ворота в чей-нибудь фамильный склеп.

Что я собираюсь делать?

Войти? Подойти к стойке и объявить:

«Здравствуйте. Три года назад вы потеряли мою мать. Можно посмотреть документы?»

Наверняка сразу всё выдадут.

Ещё и чай предложат.

Отличный план, Лира.

Я уже почти решаю уйти, когда появляется неприятное ощущение, будто кто-то стоит позади и смотрит мне в спину.

Медленно оборачиваюсь.

Никого.

Через дорогу горит фонарь. Тротуар пуст, голые ветви деревьев шевелятся на ветру.

Я осматриваю окна домов.

Тоже ничего.

— Накрутила себя.

Ну а почему бы и нет. После утреннего кошмара, ссоры с отцом и вечерней прогулки к психиатрической лечебнице странно было бы чувствовать себя совершенно нормально.

Я делаю шаг назад.

Потом ещё один.

За спиной скрипит дверь.

Резко оборачиваюсь.

Тяжелая створка медленно открывается наружу.

Чёрт.

Меня заметили?

По-хорошему надо отойти с дороги, но вместо этого я почему-то остаюсь на месте.

Из здания доносится мужской голос:

— Боже, сколько вообще весит эта дверь?

Я моргаю.

— Её специально сделали такой? Типа последний шанс передумать лечиться ещё на входе?

Дверь продолжает открываться.

Прямо на меня.

Я успеваю отступить всего на полшага.

Поздно.

Край створки врежется в плечо.

— Ай! Чёрт!

Я отскакиваю, схватившись за ушибленное место.

Дверь останавливается.

С другой стороны появляется парень.

Высокий, светловолосый, примерно моего возраста. Он на секунду замирает, всё ещё держась за дверь, и смотрит на меня с таким искренним недоумением, будто совсем не ожидал обнаружить по ту сторону живого человека.

Я успеваю его рассмотреть. Лицо с четкими, уже совсем не мальчишескими чертами: выраженные скулы, прямой нос, чуть упрямый подбородок. Светлые волосы падают на лоб и слегка растрепаны, но ему это почему-то идёт. Внешность у него не броская в том смысле, когда человек сразу кажется безупречно красивым. Скорее наоборот — взгляд задерживается сам, а причина доходит не сразу.

Несколько секунд мы молчим.

Глаза у него серо-голубые. Сейчас они широко распахнуты от растерянности, и вся эта уверенная внешность вдруг даёт трещину: парень выглядит почти виноватым.

— Простите, — наконец говорит он. — Вы в порядке?

Я осторожнодвигаю плечом.

— Жить буду.

— Это я вас так?

Смотрю на дверь.

— Если у неё нет собственного сознания, то, видимо, да.

Он тоже переводит взгляд на тяжёлую створку.

— Я бы пока не исключал эту версию.

Я против воли улыбаюсь.

Парень выходит наружу, всё ещё придерживая дверь.

— Сильно попало?

— Нет.

— Точно? Просто эта штука даже покойника...

Он осекается.

Я поднимаю брови.

— Что?

— Пожалуй, не лучшее выражение рядом с лечебницей.

— Пожалуй.

— Могу придумать другое.

— Не обязательно.

— Жаль. В следующей версии покойников уже не было.

На этот раз улыбку скрыть не получается.

Он замечает, но, к счастью, не комментирует.

Я смотрю мимо него, на витражные окна.

— Вы внутрь собирались? — спрашивает он.

Перевожу взгляд на открытый проход.

Ещё несколько минут назад мне казалось, что самое сложное — просто подойти к двери.

Теперь выяснилось, что есть продолжение.

— Да... собиралась.

Парень отходит в сторону и придерживает створку.

— Тогда прошу.

Я не двигаюсь.

Он ждёт.

Через несколько секунд слегка приподнимает бровь.

— Сейчас.

Прекрасно, Лира. Очень убедительно.

Я машинально складываю руки на груди, тут же понимаю, что выгляжу ещё более нервной, и опускаю их.

Обычное здание.

Обычная дверь.

Обычный незнакомый парень, который только что чуть не вывихнул мне плечо.

Я делаю шаг.

Потом ещё один.

Переступаю порог.

И именно в этот момент телефон в заднем кармане начинает звонить так громко, что я вздрагиваю всем телом.

За спиной раздается приглушенный смешок.

Я оборачиваюсь.

— Смешно?

Парень отчаянно пытается выглядеть серьёзным.

Не особенно успешно.

— Ни капли.

— Конечно.

— Я вообще очень серьёзный человек.

Телефон продолжает звонить.

На экране высвечивается:

Папа.

Ну разумеется.

Я на секунду закрываю глаза.

— Только не сегодня.

— Простите?

— Не вам.

Смотрю на телефон, потом в глубину лечебницы.

Нет.

На сегодня с меня хватит.

— Видимо, в другой раз.

Разворачиваюсь к выходу.

Парень снова берётся за дверь — теперь уже обеими руками.

Выводы делает быстро.

— Может, в следующий раз даже получится пройти дальше порога.

Я бросаю на него взгляд.

— Очень смешно.

— Спасибо.

— Это был сарказм.

— Всё равно приятно.

Я качаю головой, выхожу на улицу и принимаю звонок.

— Да, пап?

Отец даже не здоровается.

— Лира, где ты?

Я успеваю отойти на несколько метров, когда позади слышу:

— Я, кстати, Артур!

Останавливаюсь и оборачиваюсь.

Блондин всё ещё стоит в дверях лечебницы, придерживая створку одной рукой.

— Надеюсь, ещё увидимся!

Я ничего не отвечаю. Смотрю на него секунду и снова поворачиваюсь к дороге.

Но имя почему-то запоминается сразу.

— Лира? — голос отца становится тревожнее. — Ты меня слышишь? Уже темно. Где ты?

Я ещё раз смотрю на лечебницу: на витражные окна, на Артура в дверях, на высокий краснокаменный корпус, где три года назад исчезла моя мать.

— Лира?

Отворачиваюсь.

— Уже иду домой.

— Откуда?

— Пап...

Он вздыхает.

— Я скоро буду.

Убираю телефон и иду дальше.

Через несколько шагов снова появляется то самое неприятное чувство — будто кто-то провожает меня взглядом.

На этот раз я не оборачиваюсь

Глава 2

Разговор с отцом дома занимает меньше времени, чем я ожидала.

Он ждёт меня в прихожей и спрашивает, где я была. Я отвечаю коротко и настолько скучно, насколько получается: гуляла, потеряла счёт времени. На этом месте он задерживает на мне взгляд, но продолжать ссору из кафе, кажется, не хочет.

— В следующий раз предупреди.

— Хорошо.

Не уверена, что мы оба верим моему ответу, но для перемирия этого хватает.

Я поднимаюсь наверх и уже почти прохожу мимо кухни, когда зачем-то заглядываю внутрь.

Наверное, дело в свете. Отец оставил лампу над столом, и на секунду комната выглядит почти так же, как раньше. Мне даже не приходится особенно стараться, чтобы представить маму у плиты: зелёный фартук, волосы собраны в косу, из маленькой колонки на подоконнике играет музыка. На кармане фартука — кривоватый ёжик, которого я вышила ещё в начальной школе и потом несколько месяцев показывала всем, кто соглашался смотреть.

Мама что-то помешивает в кастрюле. Сейчас обернётся на мои шаги и спросит, почему я опять пришла на кухню за пять минут до ужина.

Я почти улыбаюсь.

Потом моргаю, и остается только пустая кухня.

Странно, как быстро память умеет подменить реальность, если ей не мешать.

Я отворачиваюсь и иду дальше.

У двери своей комнаты задерживаюсь дольше, чем хотелось бы.

Три года.

Столько времени я сюда не заходила.

Поворачиваю ручку.

Комната встречает меня почти без изменений. Те же плакаты, то же покрывало, те же занавески. На полках стоят книги вперемешку с какими-то мелочами, про которые я давно забыла, хотя когда-то они казались достаточно важными, чтобы хранить каждую бумажку и сломанную закладку.

Наверное, я ожидала другого. Что отец хотя бы что-нибудь передвинет. Сложит мои вещи в коробки, переставит мебель, превратит комнату в кабинет или гостевую. Не потому, что мне этого хотелось, а потому, что так было бы честнее. Три года должны оставлять следы.

Здесь их почти нет.

На кровати лежит заяц.

Светлый, немного кривой, с одним ухом чуть выше другого. Мама сшила его сама, когда я была маленькой. Шов на животе заметный, лапы получились разной длины, а мордочка — настолько серьёзной, что даже тогда я подозревала: шить мягкие игрушки маме всё-таки не стоит.

Я таскала его за собой почти повсюду.

Беру зайца в руки. Ткань под пальцами знакомая до смешного — и этого почему-то оказывается достаточно, чтобы заплакать.

Сажусь на край кровати, прижимаю игрушку к груди и несколько секунд просто смотрю в пол. Потом пытаюсь вдохнуть глубже, но вместо нормального вдоха выходит какой-то рваный звук.

Я сразу зажимаю рот ладонью.

Отец внизу. Меньше всего сейчас хочется, чтобы он услышал, поднялся, сел рядом и начал спрашивать, что случилось. Ответ и так слишком очевиден, а произносить его вслух я не смогу.

Не помню, когда именно оказываюсь на полу. В какой-то момент просто понимаю, что сижу, прислонившись спиной к кровати, уткнувшись лицом в этого несчастного зайца, и стараюсь плакать как можно тише.

Хуже всего не лечебница и даже не разговор с отцом.

В голову лезут вещи гораздо проще.

Мама ругается, потому что я опять залезла ложкой в крем. Слишком туго завязывает мне шарф, и я всю дорогу до школы возмущаюсь. Танцует на кухне, когда думает, что никто не видит, а потом замечает меня в дверях и, вместо того чтобы смутиться, протягивает руку.

И телефон.

Он лежит рядом со мной на столе. Экран загорается, на нём одно слово — «Мама». Я смотрю на него и жду, пока звонок прекратится.

Тогда мне казалось, что я просто не хочу разговаривать.

Теперь от этой мысли становится почти физически больно.

После этого сдерживаться уже не получается.

Просыпаюсь уже в кровати и какое-то время не понимаю, как здесь оказалась.

На мне всё ещё вчерашняя одежда, сверху наброшено покрывало. Заяц лежит рядом, уткнувшись носом в подушку, будто ночь для него тоже выдалась тяжёлая.

— Доброе утро, — говорю я и слегка пожимаю ему лапу.

Он не возражает.

При дневном свете комната действует спокойнее. Просто моя старая комната, немного пыльная и слишком хорошо сохранившая прошлое. Солнечный свет падает на пол возле шкафа и без всякой жалости показывает, куда именно последние три года никто особенно не заглядывал.

В дверь стучат.

— Да?

Отец внутрь не заходит.

— Я внизу. Сделал яичницу. Поедим и поедem, хорошо?

— Хорошо.

Его шаги удаляются, а я ещё несколько секунд лежу, глядя в потолок.

Сегодня первый день в новой школе.

Удивительно, насколько быстро одна неприятная мысль может вытеснить другую.

С переводом отец разобрался еще до моего приезда. Документы, письма, разговоры с администрацией — всё это он взял на себя. Мне остается только прийти на последний учебный год туда, где все уже давно знают друг друга, и каким-то образом убедить окружающих, что я не чувствую себя человеком, который вошёл в кино на середине фильма.

Возможно, это и есть взрослая самостоятельность. Кто-то оформляет за тебя документы, а дальше ты самостоятельно паникуешь.

Я всё-таки встаю.

После душа минут пять стою перед шкафом, хотя выбор одежды совершенно не заслуживает такого количества размышлений. В итоге надеваю красный свитер, юбку и ботинки. Ничего выдающегося. Наверное, именно поэтому и подходит.

Внизу пахнет кофе и поджаренным хлебом.

Отец сидит за столом с кружкой в одной руке и какими-то бумагами в другой. Перед свободным местом уже стоят яичница, тосты, джем и стакан сока.

Я задерживаюсь у стула.

— Ничего себе.

Он поднимает глаза.

— Что?

— Ничего.

Сажусь.

Отец кивает на стакан.

— Сок будешь? Или ты уже кофе пьёшь?

— Уже.

Брови слегка поднимаются.

— Давно?

— Достаточно давно, чтобы этот вопрос немного опоздал.

Он явно решает, стоит ли расспрашивать дальше, и, к моему облегчению, не решается.

— Всё равно налил сок.

— Я заметила.

Беру тост и намазываю джем.

— Спасибо за завтрак.

— Не за что.

Отец снова смотрит в бумаги. Мне кажется, уголок его рта слегка приподнимается, но я не проверяю.

Для нас двоих это, пожалуй, уже можно считать вполне удачным утром.

Отвезти меня отец, конечно, решает сам.

После вчерашнего кафе это выглядит почти как молчаливый договор: мы не понимаем разговоры о случившемся, я не исчезаю на несколько часов без объяснений. По крайней мере, сегодня.

Школа находится в Восточном квартале. После старой части Треворна всё здесь выглядит заметно новее: светлый кирпич, широкие окна, несколько соединенных корпусов и большая открытая территория перед входом. Даже деревья кажутся моложе, хотя это уже, наверное, моя фантазия.

Отец останавливается у тротуара.

— Всё взяла?

— Да.

— Телефон?

Я поднимаю его, чтобы продемонстрировать.

— Заряжен?

— Пап.

— Всё. Понял.

Беру рюкзак и уже открываю дверь, когда он окликает меня.

— Лира.

Оборачиваюсь.

— Если что — звони.

Он произносит это почти буднично, но я слишком хорошо помню вчерашнее «где ты?» в телефоне, чтобы не услышать остальное.

— Я помню.

Выхожу и закрываю дверь.

Машина почти сразу отъезжает, а я остаюсь перед школой одна.

Вокруг много людей. Кто-то гоняет мяч у края площадки, несколько человек сидят на траве, пользуясь неожиданно хорошей погодой. Возле входа стоят небольшие компании: смеются, спорят, показывают друг другу что-то в телефонах. Никто не выглядит так, будто первый учебный день требует особого мужества.

Наверное, потому что для большинства он не первый.

Я достаю телефон и ещё раз открываю расписание. Корпус Б, кабинет двести сорок четыре. На бумаге всё выглядит просто. Проблема только в том, что передо мной три входа, а таблички с огромной надписью «Лири, тебе сюда» почему-то нет.

Я настолько увлекаюсь попыткой понять схему здания, что замечаю людей за спиной только тогда, когда слышу:

— Ты можешь не стоять посреди дороги?

Голос раздаётся позади. Я оборачиваюсь через плечо и вижу девушку с короткими тёмными волосами. Похоже, пока я пыталась разобраться с расписанием, успела занять добрую половину дороги.

— Да, извини.

Я отхожу в сторону и снова поворачиваюсь к зданию, собираясь наконец понять, какой из входов мне нужен.

Не успеваю.

Чья-то ладонь резко упирается мне между лопаток.

Толчок не особенно сильный, но я совершенно его не жду. Делаю шаг вперёд, нога соскальзывает с края бордюра, и в следующую секунду я уже лечу на асфальт. Ладони успеваю выставить только в последний момент.

Боль приходит сразу — сначала в колени, потом в руки.

— Чёрт.

Несколько секунд я просто сижу, пытаюсь понять, что именно произошло. У основания большого пальца содрана кожа, на ладони уже выступили мелкие капли крови.

Поворачиваюсь к девушке.

Она стоит в нескольких шагах и смотрит на меня без особого интереса.

— Ты серьёзно?

— Я попросила отойти.

— Я отошла.

Она пожимает плечом.

— Плохо получилось.

И уходит.

Вот так просто.

Я смотрю ей вслед, все еще ожидая, что она хотя бы обернётся. Не оборачивается. Зато это делают остальные. Несколько человек явно всё видели, но, когда я встречаюсь взглядом с парнем возле входа, его телефон внезапно становится невероятно интересным.

Наверное, в любой школе есть свои правила. Первое я уже усвоила: если происходит что-то неприятное и тебя это не касается, лучше внимательно смотреть в экран телефона.

Поднимаюсь и отряхиваю юбку. Оба колена разбиты, на одном кровь уже собирается тонкой полоской. Ничего катастрофического, но идти на урок в таком виде не хочется.

Я снова смотрю на здание и замечаю неподалеку схему.

К прежней задаче найти кабинет литературы добавляется новая — сначала найти кабинет первой помощи.

Со схемой у нас взаимопонимания не возникает. Минут десять я честно пытаюсь разобраться в логике здания, дважды прохожу мимо одной и той же лестницы и каким-то образом оказываюсь возле кабинета химии, хотя уверена, что шла в противоположную сторону.

В итоге нужную дверь нахожу почти случайно. Она приоткрыта, но я всё равно стучу.

— Минутку! — отзывается женщина из кабинета.

Я остаюсь ждать у стены и уже собираюсь проверить время, когда слышу знакомое имя.

— Артур, учебный год только начался. Как ты уже успел оказаться у меня?

— Я тоже рад вас видеть, мисс Мартин.

Голос я узнаю сразу.

Любопытство побеждает хорошие манеры, и я немного смещаюсь к приоткрытой двери. Артур сидит на краю кушетки боком ко мне, а женщина лет сорока осторожно обрабатывает ватным диском кожу у его виска. Само повреждение отсюда почти не видно, только небольшое покраснение возле линии волос.

— Не дергайся, — говорит она.

— Я не дёргаюсь.

— Только что дернулся.

— Это было непроизвольно.

Мисс Мартин вздыхает так, словно этот разговор происходит далеко не впервые.

— Что случилось?

— Баскетбол.

Она останавливает руку.

— Баскетбол?

— Да.

— И каким образом баскетбол закончился у тебя на лице?

Артур чуть улыбается, но отвечает не сразу.

— Неудачно приземлился.

По выражению мисс Мартин видно, что эта версия её не особенно впечатлила.

— Если произошло что-то другое, ты можешь просто сказать.

Улыбка с его лица исчезает.

— Правда, всё нормально.

Он говорит уже без обычной лёгкости, и именно это заставляет меня прислушаться внимательнее. Вчера у дверей лечебницы Артур умудрялся шутить даже после того, как чуть не сбил меня тяжелой створкой. Сейчас одной фразы мисс Мартин хватает, чтобы он стал совершенно другим.

Она тоже это замечает, но спорить не продолжает.

— Хорошо. На сегодня свободен.

Я быстро отхожу от двери, пока меня не поймали за подслушиванием. Первый день в новой школе складывается любопытно: сначала я падаю перед половиной двора, потом стою у медкабинета и слушаю чужой разговор. Ещё немного — и можно будет составлять список достижений.

Дверь открывается, Артур выходит в коридор и почти сразу замечает меня.

— Привет.

— Привет.

Его взгляд опускается к моим ладоням, затем к коленям. Выражение лица меняется быстрее, чем я успеваю придумать очередное объяснение.

— Что случилось?

— Упала.

— Больно?

— Терпимо.

Он снова смотрит на колени.

— Сама упала?

После разговора за дверью вопрос звучит почти смешно.

— А ты сам упал?

Артур несколько секунд молчит, затем оглядывается на приоткрытую дверь кабинета.

— Ты слышала?

— Было сложно не услышать.

Он качает головой, но не выглядит раздраженным.

— Тогда предлагаю считать, что сегодня у нас обеих проблемы с равновесием.

— Удобная версия.

— Мне нравится.

— Вы ко мне? — раздается от двери.

Мисс Мартин смотрит сначала на меня, потом на мои колени.

— Да.

— Проходи.

Я направляюсь к кабинету и, поравнявшись с Артуром, задерживаюсь на секунду.

— На этом допрос окончен.

— Пока, — отвечает он.

— Даже не надейся.

Я захожу внутрь вслед за мисс Мартин.

По официальной версии я действительно упала сама. Рассказывать женщине, которую вижу впервые, что меня толкнула незнакомая девушка, почему-то совсем не хочется. Возможно, потому что тогда придется объяснять, кто именно это сделал, а я не знаю даже ее имени. Возможно, потому что не хочу начинать первый день с жалобы на человека, с которым успела обменяться тремя фразами.

Мисс Мартин задаёт несколько вопросов, но не давит. Промывает ссадины на ладонях и принимается за колени. Антисептик щиплет так, что я невольно напрягаю ногу.

— Потерпи немного.

— Я стараюсь.

Она заклеивает самые глубокие ссадины пластырями и отступает, оценивая результат.

— Ничего страшного. Сегодня постарайся больше не падать.

— Именно это и было в планах с самого утра.

Мисс Мартин усмехается.

— Вот и придерживайся его.

Я спускаю ноги с кушетки и осторожно встаю. Колени неприятно тянет, но ходить можно.

— Спасибо.

— Не за что. Если станет сильнее болеть — возвращайся.

Уже взявшись за ручку двери, я вспоминаю разговор, который слышала несколько минут назад.

— А Артур часто сюда приходит?

Мисс Мартин, раскладывая упаковки по шкафчикам, смотрит на меня через плечо.

— Достаточно часто.

— Из-за баскетбола?

Пауза получается совсем короткой, но её хватает.

— Тебе разве не пора на урок?

Ответа я не получила, а ощущение, что всё поняла правильно, почему-то осталось.

Выхожу в коридор и снова открываю расписание. Литература, кабинет двести сорок пять. Ближайшая табличка сообщает, что сейчас я нахожусь возле сто восьмого.

Хотя бы ясно, что нужен второй этаж.

Через несколько минут выясняется, что этой информации недостаточно. Я поднимаюсь по лестнице, сворачиваю налево, прохожу почти весь коридор и оказываюсь возле кабинета двести сорок семь. Здание, похоже, спроектировали люди, которые искренне ненавидели опоздавших учеников.

Я уже решаю пойти обратно и попробовать другой коридор, когда слышу позади:

— Потерялась?

Оборачиваюсь.

Артур стоит возле ряда шкафчиков с тетрадью в руке. Судя по выражению лица, ответ ему и без меня понятен.

— Нет. Просто очень внимательно изучаю второй этаж.
Он переводит взгляд на телефон в моей руке.

— И как успехи?

— Пока здание побеждает.

На этот раз я всё-таки сдаюсь и открываю расписание.

— Мне нужен двести четырнадцатый. Литература.

Артур кивает в сторону коридора, откуда я только что пришла.

— Тогда тебе обратно.

Я смотрю сначала туда, потом на него.

— Конечно.

— Если утешит, мне тоже туда.

Не особенно утешает. Зато теперь хотя бы есть шанс добраться до урока вовремя

Артур закрывает шкафчик и идёт в сторону, откуда я только что пришла. Я следую за ним. Можно сколько угодно делать вид, что прекрасно справляюсь сама, но урок от этого ближе не станет.

Некоторое время мы идем молча. Мне это даже нравится: после утра, полного чужих вопросов, возможность ничего не объяснять неожиданно действует успокаивающе.

— Первый день не задался, — говорит Артур через несколько шагов.

Я смотрю на него.

— Это ещё мягко сказано.

— Зато теперь знаешь, где медкабинет.

— Бесценная информация.

Он улыбается.

— С остальным зданием обычно проще.

— Пока не заметила.

— Дай ему шанс.

Я оглядываюсь на одинаковые двери по обе стороны коридора.

— Оно уже получило минут двадцать. По-моему, этого достаточно.

Доходим до лестницы. Артур придерживает дверь, пропуская меня вперёд, и только здесь я понимаю, что мы до сих пор нормально не познакомились. Вчера он прокричал своё имя мне вслед через половину улицы; сегодня мы уже успели обсудить травмы и подозрительные версии падений, но он всё ещё не знает, как зовут меня.

— Кстати, я Лира.

— Артур.

— Это я уже знаю.

На его лице на секунду появляется недоумение.

— Точно. Вчера.-Вспомнил.

— Ты довольно громко представился.

— Зато сработало.

Я улыбаюсь и отвожу взгляд к окну.

Странно, насколько проще иногда разговаривать с почти незнакомым человеком, чем с тем, кого знаешь всю жизнь. С Артуром мне не приходится заранее угадывать, какие темы закончатся молчанием, а какие — ударом ладони по столу. Возможно, секрет именно в том, что у нас пока нет общего прошлого.

Возле кабинета уже собираются ученики. Кто-то стоит в дверях, кто-то сидит на подоконнике, остальные разбились на небольшие компании. Я машинально ищу свободное место глазами и вдруг замечаю знакомое лицо.

У окна сидит девушка с короткими темными волосами.

Та самая.

Она тоже меня замечает.

Я почему-то жду хоть какой-то реакции: неловкости, раздражения, желания отвернуться. Чего угодно, что подтвердило бы, что утренний эпизод существовал не только для меня.

Но девушка смотрит спокойно. Несколько секунд — не больше. Потом опускает глаза к тетради и продолжает писать.

Будто утром между нами ничего не произошло.

Я невольно замедляю шаг.

— Что? — тихо спрашивает Артур.

— Ничего.

Ответ получается слишком быстрым, и я сама ему не верю.

Вхожу в класс и выбираю свободное место подальше от окна. Пока раскладываю вещи, всё равно чувствую на себе присутствие той девушки — хотя, когда в очередной раз поднимаю глаза, она даже не смотрит в мою сторону.

Глава 3

После занятий я выхожу из главного корпуса и первым делом достаю телефон. Ни пропущенных, ни новых сообщений от отца. Удивительно.

Либо он действительно решил дать мне немного пространства, либо каким-то образом раздобыл моё расписание и теперь точно знает, когда начинать волноваться. Второй вариант кажется правдоподобнее.

Убираю телефон в карман и направляюсь к выходу с территории.

— Эй! Лира!

Я не сразу понимаю, что зовут меня.

— Лира Темпл! Подожди!

На этот раз приходится остановиться.

Ко мне почти бегом приближается парень. Очки сползли к кончику носа, светлые кудри растрепались, а над головой он зачем-то держит несколько листов бумаги, будто боится потерять их в толпе. Добравшись до меня, он останавливается и пару секунд просто пытается отдышаться.

Я жду. Он тоже молчит.

— Ты за мной через всю школу бежал?

Парень поднимает палец, всё ещё восстанавливая дыхание.

— Почти.

— Звучит тревожно.

Наконец он выпрямляется и протягивает мне бумаги.

— Учитель попросил передать. Материалы, которые мы проходили до твоего перевода. Ты ушла раньше, чем он успел их передать.

Смотрю на стопку. Страниц там достаточно, чтобы сразу пожалеть о последнем учебном годе.

— Извини. Я не знала.

— Ничего. Мне полезно бегать.

Он говорит это совершенно серьёзно, хотя всё ещё дышит так, будто только что участвовал в соревнованиях.

Я забираю листы.

— Спасибо.

— Джейк Эйвис, — представляется он и неловко улыбается.

Теперь становится понятно: волнуется он явно сильнее, чем хочет показать.

— Лира Темпл, — отвечаю я. — Хотя эту часть ты уже выяснил.

— Да. Учитель сказал.

— А я уже начала думать, что обо мне успели выпустить ориентировку.

Джейк смеётся чуть громче, чем того заслуживает шутка, и тут же поправляет очки.

— Тогда... увидимся.

— Наверное.

Он кивает и уходит обратно к зданию. Первые несколько шагов выглядят совершенно нормально. На третьем Джейк чуть не сталкивается с кем-то, выходящим из двери, резко меняет направление и делает вид, что именно туда и собирался.

Я отвожу взгляд, чтобы не рассмеяться.

— Быстро ты.

Голос уже знакомый.

Артур идёт ко мне со стороны спортивной площадки, засунув руки в карманы. Возле виска всё ещё заметен тонкий красноватый след, но выглядит он так, будто утреннее посещение мисс Мартин давно перестало его волновать.

— Что быстро?

Он кивает в сторону удаляющегося Джейка.

— Знакомствами обзаводишься.

— Мне принесли домашнее задание. Если это теперь считается популярностью, требования здесь довольно низкие.

— Я ничего не говорил про популярность.

— Но подумал?

— Возможно.

Он останавливается рядом. За два дня мы сталкиваемся чаще, чем я обычно встречаюсь с людьми, которых действительно пытаюсь найти.

— Ты домой? — спрашивает он.

— Планировала.

— Не хочешь сначала пройтись?

Я смотрю на него.

— Это приглашение?

— Похоже на то.

— А я могу отказаться?

Артур ненадолго задумывается.

— Тогда мне придётся сделать вид, что я просто шёл в ту же сторону.

— Убедительно.

— Я старался.

Домой мне особенно не хочется. После вчерашнего разговора отец наверняка тоже не мечтает провести со мной лишний час наедине. К тому же любопытство всё-таки существует, а Артур пока оставляет слишком много поводов для него.

— Ладно. Можно попробовать.

Он улыбается.

Мы выходим за школьные ворота.

Поначалу разговаривает в основном Артур, и это оказывается удобно. Он вообще удивительно легко заполняет тишину, но не так, как люди, которые боятся замолчать хотя бы на секунду. Скорее у него постоянно находится новая история: про друзей, школу, футбол, в который он когда-то играл, и бокс, которым занимается до сих пор.

Минут через десять я узнаю, что прошлым летом он решил научиться кататься на скейт-борде. Решение оказалось недолгим.

— Я почти сделал трюк.

— «Почти» в таких историях обычно означает что-то плохое.

— Неправда.

— И что было дальше?

Артур немного морщится.

— Я приземлился.

— Уже хорошо.

— На копчик.

Несколько секунд я смотрю на него.

— Сочувствую.

— Ты улыбаешься.

— Я сочувствую с улыбкой.

— Очень по-человечески.

Я всё-таки смеюсь.

С ним оказывается легче, чем я ожидала. Не в том смысле, что мне вдруг хочется рассказать о себе всё подряд. Как раз этого желания нет. Просто рядом с Артуром не приходится постоянно думать, чем заполнить паузу и не прозвучит ли очередная фраза как-то не так.

Он спокойно может рассказать, как свалился со скейта на глазах у половины знакомых, а через минуту перейти к другой теме, будто унижение не заслуживает отдельной церемонии.

По дороге с ним здороваются постоянно. Сначала парень у магазина, потом две девушки возле автобусной остановки. Мужчина, выгуливающий маленькую собаку, поднимает руку:

— Артур!

— Добрый день, мистер Хьюз.

Ещё через квартал нам сигналит кто-то из проезжающей машины.

Я начинаю подозревать, что прогулка с Артуром — неплохой способ познакомиться сразу с половиной Треворна. Он отвечает почти каждому: иногда просто кивает, иногда останавливается на пару слов.

После очередного приветствия внутри неприятно кольнуло. Чувство не особенно красивое, зато достаточно знакомое, чтобы не притворяться, будто я его не узнала.

Зависть.

Совсем небольшая, но всё же.

Я тоже когда-то жила здесь. Почти до пятнадцати. Ходила в школу, сидела с кем-то за одной партой, гуляла после уроков, принимала приглашения на дни рождения. Только сейчас я с трудом вспомню, кто из этих людей где живёт.

Наверное, и они обо мне примерно так же.

Когда мы переезжали, мне писали привычное: «Жаль», «Будем общаться», «Обязательно приезжай». Первые недели даже переписывались, потом реже. Потом поздравляли друг друга с праздниками, пока однажды я не заметила, что больше ничего не знаю о людях, которых раньше называла друзьями.

После исчезновения мамы стало ещё хуже. Город небольшой, новости здесь всегда распространялись быстрее, чем хотелось бы. Особенно такие. Какое-то время я была не Лирой, а той девочкой, у которой мать исчезла из лечебницы.

Удивительно, насколько быстро люди начинают смотреть на тебя иначе, даже если ничего не говорят.

У бабушки всё началось заново, только на этот раз я уже не особенно старалась. Были знакомые, редкие вечеринки и прогулки после школы. Иногда мне даже было весело. Потом я возвращалась домой, и этого вполне хватало.

— Ты сейчас вообще здесь?

Я моргаю и смотрю на Артура.

— Что?

— Я минуту что-то рассказываю, а у тебя лицо человека, который мысленно находится километрах в двадцати отсюда.

— Прости. Задумалась.

— Я заметил.

Он не спрашивает о чём, и за это я благодарна.

Артур оглядывается вдоль улицы.

— Есть хочешь?

Я прислушиваюсь к себе. После завтрака был только отвратительный кофе из школьного автомата, поэтому организм отвечает раньше гордости.

— Да.

— Бургеры?

— Почему ты спрашиваешь так, будто предлагаешь что-то запрещенное?

— Потому что тогда сложнее отказаться.

— Бургеры.

— Отличный выбор.

Через несколько минут он приводит меня к небольшому заведению на первом этаже жилого дома. Если бы не вывеска над окнами, я бы прошла мимо.

Внутри тепло, пахнет жареным мясом и свежим хлебом. Большая часть стен отделана деревом, возле стойки висят старые фотографии города, а за окнами уже начинает медленно темнеть. Мы садимся ближе к стеклу.

Пока ждем заказ, Артур решает, что настало время восстановить справедливость.

— Я уже рассказал, как чуть не сломал копчик. Теперь твоя очередь.

— Мне обязательно начинать с травм?

— Нет. Это просто высокий стандарт откровенности.

Я кручу в руках бумажную салфетку и рассказываю самое безопасное. Последние три года жила у бабушки, теперь вернулась к отцу, заканчиваю школу здесь, потом хочу поступать дальше.

Семейные обстоятельства.

Универсальная фраза. Достаточно конкретная, чтобы человек понял: что-то произошло. И достаточно расплывчатая, чтобы не пришлось объяснять что именно.

Артур не перебивает, и это я тоже замечаю.

— С бабушкой нормально жилось?

— Да.

И это правда. Я думаю о ее утреннем халате, бесконечных напоминаниях нормально есть и способности одновременно смотреть политические новости и ругаться с телевизором.

— Даже хорошо.

— Тогда почему вернулась?

Вопрос звучит без подвоха.

— Так было нужно.

Самый короткий ответ обычно оказывается самым удобным. Артур, кажется, это понимает и больше не спрашивает.

Несколько секунд мы молчим, и в эту паузу снова просачивается мысль о лечебнице. Вообще-то она никуда не исчезала — просто всё это время я старательно держала её подальше от разговора.

— А ты что вчера там делал?

Артур поднимает глаза.

— Где?

— В лечебнице Отца Габриэля.

Вопрос уже прозвучал, и только теперь я думаю, что он может оказаться слишком личным. Если скажет, что не хочет отвечать, давить не стану.

Он проводит пальцем по краю стакана.

— У меня отец там работает.

— Правда?

— Угу.

— Врач?

Небольшая пауза.

— Да.

Он отвечает спокойно, но после этого почему-то начинает разглядывать фотографии на стене за моим плечом. Интерьер внезапно становится гораздо интереснее разговора.

Вчера возле лечебницы Артур спокойно шутил с человеком, которого едва не сбил дверью. Сегодня в медкабинете перестал улыбаться сразу, как только мисс Мартин заговорила серьезно. Теперь вот это.

— Понятно, — говорю я.

Больше не спрашиваю. Если он не хочет говорить о семье, причин у него может быть сколько угодно, и ни одна из них пока меня не касается.

Артур наконец смотрит на меня.

— А ты?

— Что я?

— Что делала у лечебницы?

Вот и приехали.

— Гуляла.

Он хмыкает.

— У лечебницы?

— Так получилось.

По его лицу прекрасно видно, насколько убедительной кажется эта версия. Наверное, примерно так же, как мне его короткий рассказ про отца.

Но Артур только кивает.

— Понятно.

Я чуть приподнимаю брови.

— Всё?

— А что ещё?

— Ничего.

На стол наконец ставят наш заказ. Очень вовремя.

Первые несколько минут мы действительно просто едим. Неловкость после разговора постепенно отступает сама — возможно, поддерживать напряженное молчание с бургером в руках просто неудобно.

— Вкусно, — говорю я.

Артур улыбается.

— Я же говорил.

— Ты ничего не говорил.

— Тогда хорошо, что я не ошибся.

Он вдруг протягивает мне салфетку. Я смотрю сначала на неё, потом на него.

— Что?

Артур касается пальцем уголка собственных губ.

Прекрасно.

Провожу салфеткой по лицу и по его выражению понимаю, что не попала.

— Не смей.

— Я молчу.

— Ты очень громко молчишь.

Со второй попытки получается. Сворачиваю салфетку и кладу рядом.

— Забудь.

— Уже забыл.

Он всё ещё улыбается.

— Врёшь.

— Возможно.

На этот раз я смеюсь первой.

К дому мы подходим уже в сумерках. За время прогулки воздух заметно остыл, а окна вокруг одно за другим загораются тёплым жёлтым светом.

Артур останавливается у моего дома, хотя я ожидала, что он попрощается еще на соседней улице. Получается немного странно: весь путь он почти не замолкал, а теперь вдруг стоит напротив и явно подбирает слова.

— Ну вот, — наконец говорит он, кивая в сторону дома.

— Вижу.

— Я вообще-то собирался сказать что-нибудь более содержательное.

— Можешь попробовать ещё раз.

Он усмехается и на секунду смотрит куда-то мне за плечо.

— Может, завтра вместе до школы пойдём?

Предложение застаёт меня врасплох. Ещё вчера я не знала об Артуре ничего. Сегодня мы каким-то образом провели вместе много времени, теперь он предлагает встретиться утром.

Самое странное — мне не хочется искать причину отказаться.

— Давай.

— Отлично.

Слишком быстро отвечает он и сам это понимает, потому что сразу делает шаг назад.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Он уже разворачивается, но потом вспоминает что-то ещё.

— И постарайся до утра больше не падать.

— Уходи, Артур.

— Уже ухожу.

Я качаю головой, но улыбка всё равно появляется. Артур машет мне рукой и идёт вдоль улицы, а я ещё несколько секунд смотрю ему вслед.

Для человека, которого я знаю второй день, он подозрительно быстро становится частью моей жизни. От этой мысли становится немного неловко, и я наконец прохожу в дом.

В доме темно. Почти сразу замечаю, что отцовской обуви в прихожей нет. Через окно возле лестницы видно пустое место перед домом — машины тоже нет.

После вчерашнего разговора немного тишины мне совсем не мешает.

Оставляю рюкзак возле лестницы, снимаю ботинки и иду на кухню. Там всё ещё пахнет утренним кофе, хотя, возможно, это уже воображение. Наливаю воду и успеваю сделать пару глотков, когда сверху раздается глухой удар.

Я замираю со стаканом в руке и несколько секунд прислушиваюсь.

Старый дом никогда не отличался особенной тишиной. Половицы скрипят, трубы иногда стучат, ветер умеет найти щель даже там, где ее вроде бы нет. За три года я просто успела забыть, насколько много звуков может издавать здание, когда остаешься в нем одна.

Объяснение почти срабатывает, но сверху снова что-то падает. На этот раз отчетливее.

Ставлю стакан на стол.

— Пап?

Вопрос глупый. Его машины нет, обуви тоже.

В ответ тишина.

Я уже собираюсь написать ему, когда слышу шорох. Не где-то вообще наверху — теперь источник можно определить довольно точно.

Со стороны маминой мастерской.

Из всех комнат в доме обязательно именно оттуда.

Несколько секунд я стою посреди кухни и всерьёз рассматриваю вариант ничего не проверять. Закрыть дверь, подняться к себе и дожидаться отца было бы вполне разумно. Наверное, поэтому я делаю ровно наоборот.

Открываю ящик с кухонной утварью. Ножи сразу отбрасываю: держать в руках что-то острое, когда сама не понимаю, чего испугалась, кажется плохой идеей. В итоге выбираю деревянную скалку.

Если наверху действительно кто-то есть, надеюсь, у него хотя бы окажется чувство юмора.

Поднимаюсь по лестнице медленно, стараясь ступать тише. В какой-то момент это кажется особенно бессмысленным: если в дом забрался человек, он наверняка уже слышал, как я разговаривала сама с собой на кухне.

Возле мастерской останавливаюсь.

Я не заходила сюда с тех пор, как уехала к бабушке.

За эти два дня после возвращения до мастерской так и не дошло. Наверное, не случайно. Ещё до отъезда я старалась задерживаться здесь как можно реже — слишком многое в этой комнате было связано с мамой.

Из-за двери снова доносится шорох. На этот раз следом что-то царапает поверхность — коротко и неприятно.

Я сильнее сжимаю скалку и кладу свободную руку на ручку.

Если там крыса, весь этот героизм будет выглядеть особенно впечатляюще.

Открываю дверь.

Свет из коридора падает внутрь узкой полосой, и первое, что я замечаю, — коробки. Их много, гораздо больше, чем я ожидала.

Когда-то мастерская была одной из самых живых комнат в доме. У окна стоял стол со швейной машинкой, за которым мама могла провести половину утра. Рядом — кресло-качалка, на спинке которого почти всегда лежал какой-нибудь недошитый плед. В углу стояла гитара. На комод — старый магнитофон, который иногда приходилось ударить ладонью сбоку, чтобы кассета перестала заедать.

Теперь свободного места почти не осталось. Коробки стоят вдоль стен, одна на другой, некоторые уже покрылись пылью. Стол отодвинут в сторону. Швейной машинки нет.

Именно это цепляет сильнее всего — не коробки и не пыль, а пустое место на столе.

В своей комнате я ещё могла притвориться, что три года ничего не изменили. Здесь такой фокус уже не работает. Отец не сохранил мастерскую такой, какой мама ее оставила.

Наверное, и не должен был.

Только от этой мысли не легче.

Я уже почти забываю, зачем вообще сюда пришла, когда одна из коробок у стены неожиданно шевелится. Скалка мгновенно оказывается передо мной.

Что-то тёмное вылетает вверх.

— Блять!

Я шарахаюсь назад и едва не врезаюсь в дверной косяк. Темный силуэт проносится над головой, ударяется о занавеску и снова начинает метаться по комнате.

Несколько секунд мне требуется просто на то, чтобы понять, что я вижу.

Летучая мышь.

Я опускаю скалку и прижимаю свободную ладонь к груди, пытаюсь успокоить дыхание.

— Серьёзно?

Мышь, разумеется, не отвечает.

Теперь становится понятно и откуда взялись разбросанные вещи: несколько коробок возле окна сдвинуты, содержимое одной рассыпалось по полу. Само окно приоткрыто всего на несколько сантиметров — чтобы попасть внутрь этого хватило, а вот найти дорогу обратно оказалось сложнее.

Я оставляю скалку на коробке.

— Хорошо. Давай без истерики... Желательно обеим.

Открываю окно шире и отхожу, освобождая ей дорогу. Мышь ещё несколько раз проносится между шкафом и занавесками, задевает крылом ткань, едва не садится на верхнюю полку и снова взлетает.

Я уже начинаю думать, что план не сработал, когда она резко меняет направление и вылетает наружу.

Подхожу к окну. На улице почти стемнело, за соседними домами осталась только тонкая полоса вечернего света. Саму мышь я уже не вижу.

После всей дороги наверх со скалкой в руках становится даже немного смешно. Просто летучая мышь залетела через открытое окно, а я успела представить невесть что.

— Ну вот. Ничего страшного.

Произношу это скорее для себя и уже собираюсь закрыть створку, когда совсем рядом с правым ухом кто-то шепчет:

— Лира...

Рука остаётся лежать на оконной ручке.

Несколько секунд я не двигаюсь. Голос был слишком тихим, почти выдохом, но моё имя я различила совершенно отчётливо. И прозвучало оно не с улицы.

За спиной.

Кожа на руках покрывается мурашками. Я медленно поворачиваюсь, стараясь не делать резких движений, словно от этого каким-то образом зависит, что увижу.

В комнате никого. Только коробки, кресло, шкаф и открытая дверь в коридор. Несколько вещей так и лежат на полу после мышиной паники, и ничто больше не двигается.

— Пап?

Едва произношу это, уже понимаю, насколько нелепо звучит надежда. Отца здесь нет, но несколько секунд всё равно жду ответа.

Дом молчит.

Я ещё раз осматриваю комнату и пытаюсь найти нормальное объяснение. Может, кто-то крикнул на улице. Может, звук странно отразился от стен. Может, после сегодняшнего дня я просто устала настолько, что начинаю слышать то, чего нет.

Последний вариант даже кажется вполне убедительным. Почти.

Закрываю окно и уже собираюсь выйти, когда взгляд цепляется за зеркало возле двери.

Оно по-прежнему стоит там, где стояло раньше, высокое, почти во весь рост. Сверху наброшена светлая ткань, только один край съехал в сторону и оставил открытой узкую полоску стекла. В ней видна часть комнаты и самый верх моей головы.

Я отворачиваюсь раньше, чем успеваю решить, что именно меня напугало.

В памяти сразу всплывает одно из маминых правил: ночью не смотреться в зеркало, особенно после трех часов. В детстве оно казалось почти таким же обычным, как требование чистить зубы перед сном. Потом — очередной её странностью, от которой хотелось закатывать глаза.

Сейчас ещё даже не ночь, а до трёх часов несколько часов. Никакой причины бояться зеркала нет, и я прекрасно это понимаю.

И всё равно не подхожу ближе.

Когда-то я бы, наверное, сделала это специально. Отдернула ткань, посмотрела на себя и потом с удовольствием сообщила маме, что ничего не произошло.

Теперь спорить не с кем.

Эта мысль оказывается настолько неприятной, что страх на секунду уступает место совсем другому чувству.

Я выхожу в коридор и закрываю дверь мастерской. Только возле лестницы вспоминаю, что оставила скалку внутри, на одной из коробок. Стою пару секунд, глядя на закрытую дверь, и решаю, что сегодня она прекрасно переживет ночь вне кухни.

Находясь уже в своей комнате я поворачиваю замок в двери и только потом замечаю, насколько напряжены плечи. Сажусь на пол возле двери, вытягиваю ноги и прислушиваюсь.

Теперь, когда я специально жду хоть какого-нибудь звука, дом кажется почти слишком тихим. Через несколько секунд в стене что-то щёлкает, на улице проезжает машина, и свет фар на мгновение скользит по потолку.

Обычные звуки. Те самые, которые пять минут назад я не заметила бы вообще.

Я закрываю глаза и ещё раз раскладываю всё по порядку. Летучая мышь объясняет грохот. Приоткрытое окно — холодный воздух. Усталость после первого дня в школе вполне может объяснить остальное.

Получается почти убедительно.

Только голос я всё ещё помню слишком хорошо. Не как смутный звук, который мозг уже успел переделать во что-то знакомое, а как шепот у самого уха.

«Лира».

Я обнимаю колени и снова прислушиваюсь к дому. Больше ничего не происходит, но ощущение, с которым я вышла из мастерской, никуда не девается.

Ощущение, что в доме я не одна меня не оставляет.

Глава 4

Я бегу по незнакомой улице, едва разбирая дорогу перед собой. Воздуха не хватает, в боку давно покалывает, но останавливаться почему-то кажется гораздо страшнее, чем продолжать бежать.

По обе стороны возвышаются темные каменные здания. Окна почти везде погашены, а редкие фонари освещают лишь небольшие участки мостовой. Я сворачиваю за угол и на секунду оглядываюсь, ожидая увидеть кого-то позади.

Улица пуста, и всё же я знаю, что за мной идут.

Откуда такая уверенность, объяснить не получается. Я даже не помню, от кого убегая и что произошло до этого. Осталось только неприятное, почти физическое ощущение опасности, которое не дает замедлить шаг.

Впереди замечаю узкий переулок между двумя домами. В глубине виднеется невысокая каменная стена, за которой, кажется, можно спрятаться. Не особенно надёжное укрытие, но выбирать сейчас не приходится.

Я забегая в переулок, приседаю за стеной и пытаюсь восстановить дыхание. Ноги дрожат так сильно, что приходится опираться

ладонью о холодный камень. Несколько секунд слышу только собственное сердце и шум крови в ушах.

Потом до меня доносятся шаги.

Неторопливые, почти размеренные. Кто-то идёт по переулку, совершенно не пытаясь скрыть своё присутствие. Я осторожно прижимаюсь к стене и закрываю рот ладонью, хотя прекрасно понимаю, что после такого бега дышать бесшумно всё равно не получится.

Шаги приближаются и наконец останавливаются где-то совсем рядом.

Я смотрю на узкую полоску мостовой между стеной и своими коленями. В свете фонаря появляется чужая тень.

— Вот ты где.

Голос знакомый настолько, что я поднимаю голову раньше, чем успеваю подумать.

Над каменной стеной стоит Артур.

Он смотрит прямо на меня. Светлые волосы слегка растрепались, лицо кажется непривычно серьёзным, но в остальном это тот самый парень, с которым я вчера гуляла по Треворну.

Почему-то узнавание ничуть не успокаивает.

Я хочу спросить, что он здесь делает и почему так долго меня искал, но не могу выдать ни слова.

Артур чуть наклоняет голову.

И я просыпаюсь.

Сажусь на кровати настолько резко, что одеяло сползает на пол. Несколько секунд смотрю перед собой, всё ещё ожидая увидеть каменную стену и тёмную улицу, но вместо них постепенно проступают знакомые очертания моей комнаты.

За окном едва начинает светать.

Я тянусь к телефону и проверяю время. До будильника почти два часа.

— Да вы издеваетесь...

Откидываюсь на подушку и закрываю глаза.

Первый кошмар с мамой, вчерашний шёпот в мастерской, а теперь ещё и Артур. Список вещей, от которых мой мозг решил меня защищать по ночам, становится всё более своеобразным.

Особенно несправедливо, что во сне он выглядел совершенно нормально. Ни угроз, ни страшных физиономий. Просто стоял и смотрел на меня, а я боялась его едва ли не сильнее, чем того, от кого убегала.

Наверное, после вчерашнего разговора о лечебнице и его отце мне хватило впечатлений, чтобы приплести сюда ещё и его.

Я переворачиваюсь на другой бок и натягиваю одеяло до подбородка. Если удастся проспать оставшиеся два часа, может быть, хотя бы в школе получится изображать живого человека.

Но сон не возвращается.

Стоит закрыть глаза, как я снова вспоминаю переулочек, каменную стену и произнесённое совершенно спокойно «Вот ты где». Потом мысли почему-то переключаются на мастерскую, зеркало и тихий голос возле уха.

Когда наконец звонит будильник, я уже не сплю и успеваю несколько раз пожалеть, что вообще попыталась.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к зеркалу возле шкафа. Отражение выглядит соответственно проведённой ночи: волосы растрепались, под глазами залегли тени, а лицо такое, будто последние несколько часов я не лежала в постели, а действительно носилась по каким-то незнакомым улицам.

Возможно, душ поможет привести в порядок хотя бы внешность.

В ванной включаю воду погорячее и несколько минут просто стою под струями, стараясь ни о чём не думать. Тёплая вода приятно действует на затекшие плечи, и постепенно напряжение действительно начинает отпускать.

По крайней мере, до первого стука.

Звук глухой, негромкий, словно кто-то ударил по стене в соседней комнате. Я не сразу обращаю на него внимание: в нашем доме трубы иногда стучат так, что поневоле начинаешь подозревать в них собственную жизнь.

Через несколько секунд стук повторяется.

Я отодвигаю шторку и прислушиваюсь. Вода продолжает шуметь за спиной, мешая понять, откуда именно доносится звук.

— Пап?

Ответа нет. Я выключаю воду, но сколько ни прислушиваюсь, ничего необычного больше не слышу.

Наверное, трубы. Или отец что-то уронил внизу.

Я уже собираюсь вернуться под воду, но почему-то медлю. Вчера я слышала шёпот в мастерской, сегодня — стук в ванной. Для каждого случая можно найти объяснение, если постараться: старый дом, трубы, недосып. Только раньше я бы выбрала первое подходящее и перестала об этом думать, а теперь продолжаю прислушиваться, ожидая, что звук повторится.

И это беспокоит меня куда сильнее самого стука. Я ведь действительно его слышала. Или мне только кажется, что слышала? Ещё несколько дней назад такой вопрос даже не пришёл бы мне в голову.

Представляю, как рассказываю обо всём отцу. Сначала про голос в мастерской, потом про сегодняшний стук. Он наверняка попытается найти разумное объяснение, и я даже не смогу его за это упрекнуть. Потому что сама отчаянно хочу, чтобы он оказался прав.

Я снова включаю воду и начинаю тихо напевать I Love You So группы The Walters. Знакомая мелодия помогает отвлечься, и на несколько минут мне действительно становится спокойнее.

А потом стук повторяется.

На этот раз значительно громче.

Я замолкаю и выключаю воду.

В наступившей тишине слышу еще два удара, один за другим. Не из коридора и не снизу. Звук доносится откуда-то совсем рядом, со стороны раковины.

Осторожно отодвигаю шторку.

Над раковиной висит зеркало. Самое обычное, прямоугольное, с узкой металлической рамой. Рядом закреплены небольшие полочки с косметикой и прочими мелочами, которые я вчера успела расставить после переезда.

Пока смотрю, один из флаконов на полке слегка подрагивает.

Следом слышится еще один удар.

Я несколько секунд не могу отвести взгляд.

Зеркало неподвижно, по крайней мере внешне. Но флакон снова сдвигается, едва заметно дребезжит стеклянный стаканчик с зубными щетками.

У меня холодеют пальцы.

— Пиздец...

Произношу это почти шёпотом и тут же замолкаю, словно кто-нибудь может ответить.

Нужно просто выйти. Сейчас взять полотенце, одеться и уйти из ванной. Потом можно будет позвать отца, посмотреть, не разболталось ли крепление зеркала, проверить трубы. Найти хоть какое-то объяснение.

Но сначала придётся пройти мимо раковины.

Я смотрю на отражение и неожиданно понимаю, что больше всего боюсь увидеть в нём что-нибудь ещё, кроме себя.

Это уже слишком.

Не дожидаясь следующего удара, хватаю большое полотенце с крючка возле душа, торопливо оборачиваю его вокруг себя и выхожу из-за шторки. До двери всего несколько шагов, но я всё равно стараюсь не смотреть в сторону зеркала.

Рука с первого раза не попадает на дверную ручку.

Наконец я распахиваю дверь и выскакиваю в коридор, захлопнув её за собой.

— Лира?

От неожиданности вздрагиваю и резко поворачиваю голову на голос.

В нескольких шагах от меня, возле лестницы, стоит Артур. Кажется, моё внезапное появление удивило его не меньше, чем меня — его присутствие здесь.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Он явно не ожидал увидеть меня в таком состоянии, а я пока ещё не успела осознать, что стою перед ним в одном полотенце, с мокрыми волосами и лицом человека, который только что сбежал из ванной от собственного зеркала.

Потом его взгляд невольно опускается ниже.

И до меня доходит.

— Блять...

Я крепче придерживаю полотенце.

Артур немедленно отворачивается к лестнице.

— Прости. Я не знал, что ты...

Он замолкает, видимо, решив, что продолжать эту мысль вслух будет ещё хуже.

— Ты что здесь делаешь?

Вопрос выходит резче, чем я хотела.

— Мы же договорились вместе идти в школу, — напоминает Артур. — Я пришел, постучал. Твой отец открыл и сказал, что с утра тебя ещё не видел. Решил, что ты, наверное, проспала, и разрешил подняться.

— И ты просто поднялся?

— Ну да. Хотел постучать, проверить, проснулась ли ты. Но не успел — услышал, как открылась дверь.

Я смотрю на него с недоверием. Не столько из-за самого Артура, сколько из-за отца. Вчера он несколько раз напомнил мне, чтобы я звонила, если что-нибудь случится, а сегодня спокойно пустил наверх парня, которого я знаю всего пару дней.

— Удивительно, что папа вообще тебя впустил.

— Я произвёл хорошее впечатление.

— Так быстро?

— Бывает и быстрее.

По его довольному виду совершенно невозможно определить, шутит он или действительно в это верит.

— Лира, ты вообще в порядке? — спрашивает он уже другим тоном. — Ты выглядишь напуганной.

Я невольно смотрю на закрытую дверь ванной. Оттуда больше ничего не доносится.

Нужно бы рассказать. Хотя бы про стук.

Но представить, как я объясняю почти незнакомому парню, что меня напугало зеркало, оказывается гораздо сложнее, чем просто промолчать.

— Всё нормально. Просто не ожидала тебя увидеть.

Ответ звучит недостаточно убедительно, но Артур не спорит.

— Ладно.

— Дай мне десять минут, хорошо? И спустись пока вниз. Папа наверняка предложит тебе кофе.

— Хорошо. Я подожду.

Он делает шаг к лестнице, не оборачиваясь.

— Артур?

— Да?

— Спасибо, что хотя бы не начал шутить.

Он на секунду поворачивает голову, но, вспомнив про полотенце, снова смотрит перед собой.

— Решил, что сегодня не лучший момент.

Я невольно улыбаюсь.

Дожидаюсь, пока его шаги стихнут внизу, и только после этого иду в свою комнату. Уже за закрытой дверью замечаю, что всё ещё крепко держу полотенце обеими руками.

На сборы уходит чуть больше обещанных десяти минут.

Я быстро сушу волосы, надеваю джинсы и темный свитер, собираю рюкзак. Несколько раз хочется вернуться в ванную и проверить зеркало, но всякий раз нахожу занятие поважнее.

Уже перед выходом прислушиваюсь к звукам за дверью.

В доме тихо, и именно это почему-то раздражает сильнее всего.

Спускаясь на первый этаж, я слышу голоса из кухни.

Отец и Артур разговаривают так спокойно, что на секунду кажется, будто они знакомы гораздо дольше сегодняшнего утра.

— Значит, боксом занимаешься? — спрашивает отец.

— Да, но в основном для себя. На соревнования выезжаю редко, времени не всегда хватает.

— Учёба?

— И она тоже.

Я останавливаюсь возле кухонной двери.

Артур сидит за столом с кружкой в руках. Отец стоит у столешницы и наливает себе кофе. Судя по всему, они уже успели обсудить школу, спорт и ещё бог знает сколько тем.

Удивительно. Со мной у отца обычно столько вопросов не набирается даже за неделю.

— А что ещё? — интересуется он.

— Иногда помогаю отцу. У него работа не самая спокойная.

— Чем он занимается?

Артур ставит кружку на стол.

— Работает в лечебнице Отца Габриэля.

Отец перестаёт наливать кофе. Движение едва заметное, но я успеваю его уловить.

— В лечебнице? — переспрашивает он.

— Да.

— Врач?

— Да, он...

— Я готова!

Оба поворачиваются ко мне.

На лице отца появляется то самое выражение, которое я хорошо знаю по нашим разговорам о маме: он еще ничего не сказал, но уже явно собирается задать следующий вопрос.

Артур, напротив, выглядит почти довольным моим появлением.

— Уже? — спрашивает он, поднимаясь.

— Почти рекорд скорости. Мы, наверное, пойдём, а то опоздаем.

Отец смотрит на часы.

— Вы даже не позавтракали.

— Купим что-нибудь по дороге.

— Лира...

— Пап, правда. Всё нормально.

Он переводит взгляд на Артура, потом снова на меня. Похоже, решает, стоит ли продолжать разговор, но в итоге только кивает.

— Хорошо. Тогда после школы позвони.

— Позвоню.

Артур допивает кофе и ставит кружку в раковину.

— Спасибо, мистер Темпл. Рад был познакомиться.

— Взаимно, Артур.

Отец произносит это вежливо, но продолжает внимательно смотреть на него. Мне почему-то совсем не хочется оставаться и выяснять, что именно его заинтересовало.

Я беру рюкзак и направляюсь к выходу. Артур идёт следом, а через несколько секунд мы уже оказываемся на улице.

Утро прохладное, но солнечное. После вчерашнего дождя на тротуарах ещё остались небольшие лужи, а от мокрых кустов возле домов тянет свежестью.

В другое время я бы, наверное, обрадовалась погоде. Сегодня почти не замечаю её.

Некоторое время мы идем молча. Артур пару раз пытается заговорить о чём-то обычном — кажется, о расписании и предстоящих занятиях, — но после моих коротких ответов больше не настаивает.

Я понимаю, что веду себя не особенно дружелюбно. Просто каждую свободную секунду возвращаюсь мыслями к ванной.

Стук, флакон на полке и зеркало, к которому я так и не решилась подойти.

Вчера в мастерской я ещё могла убедить себя, что услышала что-то с улицы. Сегодня объяснений становится меньше.

Может, у меня действительно начинаются проблемы с головой?

Эта мысль пугает почти так же сильно, как и то, что произошло утром. Я ведь столько лет считала мамины страхи чем-то необъяснимым, а теперь сама не могу перестать думать о вещах, которые никто другой не видел.

— Лира?

Я вздрагиваю.

Артур замедляет шаг.

— Ты меня слышишь?

— Да. Извини.

Он смотрит на меня внимательнее обычного.

— Что-то случилось?

— Просто не выпалась.

— Я заметил. Но дело ведь не только в этом?

Вопрос звучит осторожно, без привычной улыбки.

Я отвожу взгляд к дороге.

— С чего ты взял?

— Ты утром выглядела очень напуганной.

Хочется ответить, что он ошибся, хотя мы оба прекрасно знаем: нет.

Артур слегка касается моего локтя, когда я по рассеянности чуть не выхожу на проезжую часть возле перекрёстка. Я останавливаюсь и смотрю на его руку. Он сразу убирает её.

— Лира, я не пытаюсь тебя допрашивать. Просто спрашиваю.

Именно это почему-то окончательно выводит меня из себя.

Не его слова. Даже не прикосновение.

Собственное ощущение, что сейчас кто-то снова начнет решать, в порядке я или нет.

— Что ты хочешь услышать? — спрашиваю я. — Что у меня проблемы?

Артур удивленно смотрит на меня.

— Какие проблемы?

— Не знаю. Может, ты уже решил, что мне стоит обратиться к твоему отцу?

Он хмурится.

— При чём здесь мой отец?

— Он же врач. В лечебнице.

Едва произношу это, уже понимаю, насколько странно звучит обвинение. Но остановиться оказывается сложнее, чем продолжать.

— Ты знаешь меня всего два дня, Артур. Не надо делать вид, будто тебя так уж сильно волнует, что со мной происходит.

Несколько секунд он ничего не говорит.

Во вчерашней бургерной я почти привыкла к его улыбке и быстрым ответам. Сейчас их нет, и от этого сказанное мною вдруг звучит ещё неприятнее.

— Я не делаю вид, — наконец отвечает он. — Ты выбежала из ванной так, будто за тобой кто-то гнался. Я спросил, потому что испугался за тебя. Всё.

Я молчу.

— Если не хочешь рассказывать, не надо. Но я ведь ничего плохого тебе не сказал.

Он произносит это спокойно, хотя по лицу видно, что мои слова его задели.

Мне хочется сказать, что дело не в нём. Просто я и сама пока не понимаю, что со мной происходит, а объяснять это другому человеку кажется ещё сложнее. Особенно Артуру. Я даже пытаюсь подобрать слова, но быстро понимаю, что не знаю, с чего начать. Поэтому так ничего и не говорю.

Артур выдыхает и смотрит в сторону дороги.

— Ладно. Наверное, нам сейчас лучше немного помолчать.

— Артур...

Он переводит на меня взгляд.

Я открываю рот, но не нахожу ничего подходящего.

«Извини» было бы достаточно. Всего одно слово, которое никак не получается произнести.

— Увидимся в школе, — говорит он.

Он разворачивается и идёт дальше, оставляя между нами несколько шагов, которые довольно быстро превращаются в десяток.

Я смотрю ему вслед.

Он ведь ничего от меня не требовал. Не настаивал, не пытался вытянуть признание, даже не обиделся сразу, когда я первый раз ответила уклончиво.

А я уже решила, что его обычное беспокойство обязательно должно скрывать какой-нибудь подвох.

Хотя, если уж на то пошло, рассказывать ему действительно ничего не обязана. Можно было просто сказать, что не хочу обсуждать утро. Он, скорее всего, и на этом бы остановился.

Но я выбрала совсем другое.

— Дура, — бормочу себе под нос.

Артур уже далеко впереди. Я поправляю лямку рюкзака и продолжаю идти к школе, всё ещё надеясь, что успею нормально с ним поговорить до начала занятий.

За весь учебный день мы с Артуром почти не пересекаемся.

Пару раз я замечаю знакомые светлые волосы в конце коридора, но всякий раз между нами оказывается слишком много людей. На одной из перемен пытаюсь найти его возле кабинета литературы, однако там собирается совершенно другая компания.

Единственный раз, когда мы действительно встречаемся взглядами, происходит в столовой.

Артур сидит за столом с двумя парнями. Они о чём-то разговаривают, один из них смеётся, а Артур, заметив меня, на секунду замолкает.

Я уже собираюсь подойти, но он отворачивается к собеседнику, а ещё через несколько минут уходит вместе с остальными.

Возможно, у него просто закончился обед. Я не знаю, но всё равно неприятно.

Особенно потому, что злиться на него не получается, сколько бы я ни пыталась.

Во время уроков мысли то и дело возвращаются к разговору. Несколько раз замечаю за собой, что высматриваю Артура среди учеников в коридоре, хотя прекрасно понимаю, что случайная встреча — не лучший способ извиниться. Но другого пока нет: мы даже номерами не обменялись.

Я заранее пытаюсь подобрать слова, однако всякий раз выходит либо слишком много оправданий, либо что-то настолько сухое, что лучше вообще промолчать. Впрочем, если всё-таки встречу его, наверное, сумею сказать обычное «прости» без предварительной репетиции.

Под конец дня я перестаю искать его взглядом и пытаюсь сосредоточиться на уроках.

Наверное, лучше поговорить лично. Тем более мы учимся в одной школе, и избегать друг друга бесконечно всё равно не получится.

Когда заканчивается последний урок, настроение у меня окончательно портится.

Возвращаться домой совсем не хочется. Отец, скорее всего, ещё на работе, и несколько часов придется провести одной. Вчера это даже казалось неплохой перспективой. Сегодня, после ванной, я впервые задумываюсь, не попросить ли его вернуться пораньше.

Но что я ему скажу?

Что зеркало стучало?

Он наверняка посмотрит на меня точно так же, как когда-то смотрел на маму.

Я иду по коридору к выходу, стараясь выбросить из головы эту мысль, когда впереди раздаются громкие голоса.

Сначала не обращаю внимания. В школе и без того шумно, особенно после занятий.

Потом слышу резкий визг тормозов.

Звук доносится с улицы, но настолько громкий, что разговоры вокруг на мгновение стихают.

Следом раздается удар.

Кто-то вскрикивает.

Несколько человек возле входа бросаются к дверям, а остальные почти сразу тянутся следом. Я оказываюсь среди них, ещё толком не понимая, что произошло.

Во дворе уже собирается толпа.

У самой дороги, рядом со школьными воротами, стоит автомобиль. Передние колеса заехали на тротуар, капот смят, лобовое стекло покрыто трещинами. В нескольких метрах от машины лежит велосипед, переднее колесо которого вывернуто под неестественным углом.

— Скорую вызвали? — кричит кто-то впереди.

— Да! Уже едут!

— Отойдите от дороги!

Я пытаюсь посмотреть поверх чужих плеч, но ничего не вижу, кроме машины и людей, столпившихся возле неё.

— Он велосипедиста сбил, — говорит девушка рядом со мной.

Она держит телефон в руке, но не смотрит на экран.

Я протискиваюсь немного ближе.

Наверное, стоило остаться у входа. Я даже не знаю, зачем продолжаю идти вперед, но ноги сами несут меня к месту аварии, пока наконец между людьми не появляется просвет.

На асфальте возле бордюра лежит парень.

Совсем молодой. Возможно, старше меня на пару лет.

Рядом разбросаны тетради и несколько книг, одна из которых раскрылась страницами к дороге. На светлой рубашке расплзается темное пятно, а под головой на асфальте видна кровь.

Я останавливаюсь и какое-то время просто смотрю на него, не вполне понимая, что вижу.

Парень ещё дышит. Грудь поднимается неровно, с заметным усилием. Потом он начинает кашлять, и на губах появляется кровь.

— Боже мой...

Я растерянно оглядываюсь, пытаюсь понять, могу ли хоть чем-нибудь помочь.

Кто-то рядом просит людей отойти, освободить дорогу для скорой. Чуть дальше мужчина разговаривает по телефону, торопливо объясняя, где именно произошло столкновение.

Но мне кажется, что никто ничего не делает.

Парень лежит на асфальте, ему явно становится хуже, а вокруг столько людей, и все только стоят и смотрят.

Надо помочь. Хотя бы подойти, узнать, может ли он дышать, попробовать что-нибудь сделать до приезда врачей.

Я делаю шаг вперёд, но почти сразу чувствую ладонь на плече.

— Лира.

Оборачиваюсь.

Передо мной Артур.

Он слегка запыхался, пробираясь через толпу, и смотрит на меня с непривычной серьезностью.

— Скорая уже здесь, — говорит он.

Только теперь я замечаю сирену, которая уже несколько секунд звучит где-то совсем рядом.

— Но он...

— Я вижу.

Артур осторожно отводит руку и кивает в сторону дороги.

— Давай отойдем. Врачам нужно место.

Я перевожу взгляд обратно на пострадавшего.

К парню уже подбегают медики с оборудованием. Один опускается возле него на колени, другой открывает сумку, а третий просит окружающих расступиться ещё дальше.

Я отступаю вместе с Артуром, но уйти совсем не могу.

Никогда раньше я не видела человека в таком состоянии.

В фильмах всё происходит иначе. Кто-то кричит, кто-то обязательно знает, что делать, а затем появляется врач и почти сразу становится понятно, есть ли надежда.

Здесь никто ничего не объясняет.

Врачи быстро переговариваются между собой, один из них проверяет состояние парня, другой достает необходимое оборудование. Через некоторое время начинаются реанимационные действия, и по выражениям их лиц я понимаю, что всё гораздо хуже, чем хотелось думать.

Не знаю, сколько проходит времени. Может быть, несколько минут, хотя мне кажется, значительно дольше.

Я смотрю на лицо парня и вдруг ловлю себя на совершенно нелепой мысли: интересно, куда он ехал?

На учебу? Домой?

Наверное, собирался встретиться с друзьями или просто хотел успеть куда-нибудь до вечера. У него могли быть планы на выходные, незаконченные домашние задания, родители, которые еще даже не знают, что произошло.

Совсем недавно он был обычным человеком на велосипеде, таким же, как десятки людей, которых я видела сегодня по дороге в школу.

От этой мысли становится особенно тяжело.

Артур остаётся рядом, но ничего не говорит. Один раз я чувствую, как он смотрит на меня, и благодарна ему за то, что он не начинает задавать вопросов.

Потом происходит нечто странное.

Сначала мне кажется, что на рубашку пострадавшего попал солнечный блик.

Небольшое светлое пятно появляется чуть выше груди и на мгновение дрожит, как отражение света на воде. Я моргаю, пытаюсь понять, откуда оно взялось: солнце уже опустилось достаточно низко, да и врачи почти полностью заслоняют парня.

Но свет не исчезает, а становится заметнее.

Я невольно подаюсь вперед.

Над телом медленно поднимается маленький огонёк, окруженный бледно-голубым свечением. Он не похож ни на отражение, ни на свет от медицинского оборудования. Несколько секунд держится в воздухе, слегка меняя форму.

Я смотрю на него, не в силах отвести глаз.

Никто вокруг, кажется, ничего не замечает.

Один из врачей продолжает работать, другой что-то говорит коллеге. Люди за моей спиной переговариваются, кто-то плачет, кто-то просит остальных убраться телефоны.

А огонек постепенно поднимается выше.

Затем его движение меняется. Свет словно подхватывает невидимым потоком: он резко отклоняется в сторону, вытягивается, будто его куда-то тянут, и исчезает прямо у меня на глазах.

Не гаснет постепенно, как лампочка, и не растворяется в воздухе.

Просто в какой-то момент его больше нет.

— Артур... — произношу я.

Он поворачивается ко мне.

— Что?

Я смотрю туда, где только что находилось свечение, пытаюсь понять, куда оно делось.

Но там уже ничего нет. Даже следа.

И я несколько раз моргаю, надеясь, что снова увижу хотя бы слабый отблеск.

В этот момент движения врачей меняются.

Один из медиков отводит руки, другой смотрит на часы. Они тихо переговариваются, и до меня долетают только последние слова:

— Время смерти — шестнадцать десять.

Я не сразу понимаю смысл услышанного.

Ведь он только что дышал. Я видела.

Совсем недавно грудь ещё поднималась, он кашлял, пытался вдохнуть. Врачи работали над ним, и я до последнего была уверена, что сейчас обязательно произойдет что-нибудь, после чего всё станет лучше.

Но они больше не пытаются его спасти.

Вокруг продолжается обычное движение. Кто-то подходит к полицейским, кто-то отводит в сторону плачущую девушку, несколько школьников наконец начинают расходиться. Люди говорят, автомобили проезжают по соседней полосе, у кого-то звонит телефон.

А я всё ещё смотрю туда, где секунду назад находился голубой огонёк.

Что это было?

Я хочу спросить Артура, видел ли он то же самое, но боюсь услышать ответ. Особенно если окажется, что он ничего не заметил.

Смотрю на него.

На лице Артура нет прежнего раздражения после утренней ссоры. Он кажется усталым и серьёзным, а когда наши взгляды встречаются, осторожно кладет ладонь мне на плечо.

— Лира...

Я понимаю, что он что-то хочет сказать, но почти не слышу его.

Перед глазами снова возникает свет над грудью погибшего парня. Особенно тот последний момент, когда он вдруг изменил направление, словно его что-то потянуло прочь.

Я пытаюсь вспомнить, не мог ли это быть отблеск от стекла или машины, но ни одно объяснение не подходит к тому, что я видела.

За последние два дня произошло слишком многое, и всё чаще я ловлю себя на одном и том же вопросе: почему никто вокруг не замечает того, что замечаю я?

Пальцы Артура по-прежнему осторожно лежат у меня на плече. Я смотрю на него и понимаю, что достаточно просто спросить, видел ли он свет.

Но после нашего утреннего разговора решиться на это оказывается неожиданно трудно.

А потому я стою рядом с ним и молчу, хотя впервые за весь день мне действительно хочется, чтобы он задал еще один вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.